

ТЕМНЫЕ СЕКРЕТЫ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ТРИЛЛЕРЫ
○
ТАИНСТВЕННЫХ
СМЕРТЯХ

АЛЕКСАНДР
БАРР

**СИМФОНИЯ
КУКОЛ**

ЭКМО
МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б25

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Дурасова*

Барр, Александр.

Б25 Симфония кукол / Александр Барр. — Москва :
Эксмо, 2023. — 288 с. — (Темные секреты. Психологические триллеры о таинственных смертях).

ISBN 978-5-04-175720-5

Руслан и Лика по-настоящему счастливы. Они мчатся на машине к морю.

Мощный грузовик не успевает затормозить. В крошево превращаются и легковушка, и счастье влюбленных, и позвоночник Руслана. Теперь он «овощ», вечно лежащее, бесполезное и неприятное существо. Врачи дают гарантию: это — навсегда.

И вот Лика уже изменяет ему в соседней комнате. И водитель грузовика наслаждается жизнью и не терзается угрызениями совести. И любовник Лики вполне доволен судьбой...

Вот только жуткое наказание приближается медленно и неотвратно. Мсть будет страшной. И палача не найдет никто. Ведь Руслан парализован. Значит, ничего не может...

Ничего не может?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175720-5

© Барр А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Радиоволны влияют на нас.
Они словно бездушный фантом,
прячась в тени неразгаданных тайн,
прямо или косвенно с каждым днем
подчиняют себе все живое.*

Предисловие

— Весо́мо.

Я говорю «весомо» и стреляю ему в лицо. Стреляю не целясь. С такого расстояния мне не промахнуться. Жму на спусковой крючок снова и снова. Комната освещается короткими прерывистыми вспышками света, но я не слышу звуков выстрелов. В ушах звенит. Рана на животе болит.

— Весо́мо.

Давлю пальцем на спусковой крючок, пули вылезают, врезаются ему в голову. Его щеки перестают морщиться от гнусной улыбки. Ошметки его большого мозга разлетаются по сторонам. Накладная борода покрывается алой слизью и пеной.

— Весо́мо!

Курок щелкает — обойма пуста. Глаза горят. Рот кривится, скалит зубы и кричит. Колени трясутся.

— Весо́мо?

Мне трудно стоять, не чувствую ног, но стою. Стою, покачиваюсь и смотрю, как слипшиеся комки волос и кровь сползают по спинке кресла. Любуюсь всеми оттенками красного цвета на зеленой

глянцевой стене в темном раскачивающемся свете желтой лампы.

Стою, до судорог сжимаю кулак, пытаюсь хоть еще раз выстрелить. Приемник шипит. Трещит своим динамиком, слышны радиопомехи и обрывки фраз, которые напрямик идут в мой воспаленный мозг.

Вставляю ствол себе в рот. Жму, жму, жму. В ответ лишь дурацкие звонкие щелчки, вкус гари и легкие постукивания металла о зубы. Не судьба.

Едва сдерживаю смех, пока полицейские ломаются в дверь. Они не требуют открыть, молча бьют чем-то тяжелым по ржавому металлу. Через мгновение ворвутся. Черт возьми, где же они были раньше? Снесут проклятую скрипучую дверь с петель и, сверкая в пыли лучами ярких фонариков, забегут к нам в подвал. Ворвутся. И не случится ничего особенного. Это их работа, их рутина. Уверен, они всегда так делают, чуть ли не каждый день... а я раньше никогда не использовал слово «весомо».

Что за глупость говорить «весомо»? Никто так не говорит. «Ве-со-мо», это же его слово. Зачем его слово вертится у меня на языке? И зачем я продолжаю жать на спусковой крючок, стуча стволом по зубам и царапая себе небо мушкой прицела. И я раньше никогда не стрелял человеку в лицо. Смотрю на обрубок своей руки, валяющийся под ногами, на необработанную рану, на запекшуюся кровь, и нервный смешок вырывается наружу.

Вынимаю изо рта пистолет, вытираю его краем майки. Испачканным краем моей майки. Пульсации в ушах слабеют. Кажется, успокоился. Странное ощу-

СИМФОНИЯ КУКОЛ

щение легкости. Все неожиданно... просто. Просто-просто. Не думал, что это так просто — отнимать у человека самое ценное, отнимать его жизнь. Проще, чем заварить чай. Чем выдохнуть через нос, лежа на любимом диване после тяжелого рабочего дня. Проще, чем он описывал.

Как странно. Я схожу с ума? Или уже сошел? Мне плевать, что станет со мной, плевать на то, выживу ли я. Мысли лишь об одном — я успел и наконец-то убил его. Его больше нет.

Страшно признаться, но, кажется, мне понравилось. Понравилось наблюдать, как из-за меня остывает чужое тело. Возможно, все из-за того, что передо мной на стуле не человек. Его нельзя назвать человеком. Зверь, монстр, сумасшедший больной садист. Остановленный мною психопат. А может, все дело в том, что во мне просыпается тот самый безумец, которого он так старательно пытался пробудить.

Отгоняю желание подойти поближе, наклониться, разворошить испорченный парик и понюхать его рану, потрогать, лизнуть, помазать его кровью у себя за ухом. Бережно растереть ее, словно элитный парфюм, словно драгоценный божественный нектар.

— Весомо, — повторяю сквозь зубы, как в бреду. — Просто-просто. Весомо-ве-со-мо.

Ноги отказываются стоять, и я падаю коленями в мягкую пыль. Слышу, как сквозь стук собственного сердца, сквозь мой истерический полусмех-полукашель чей-то незнакомый голос приказывает:

— Ни с места! Полиция! Оружие на пол!

Роняю пистолет. Роняю его и падаю рядом, врезаюсь в песок своей разрывающейся от звона и раскалывающейся на части головой.

— Руки! Живо!

Полицейский приказывает сложить руки, а у меня не осталось на это сил. Могу только выдавливать из себя смех, распускать слюни, хрустеть мокрым песком на зубах. Могу только ощущать дыхание зверя, мысли зверя в моем мозгу и проклятый скрежет равнодушного приемника.

Живот болит.

Глава 1

— Ну, что ж, уважаемые радиослушатели, — ее голос произносил привычную фразу, — продолжаем готовиться к пятнице-развратнице, а на сегодня наш выпуск подошел к концу. Передаю эстафету своим замечательным коллегам. Вас ожидает восхитительная подборка новой музыки на любой вкус, которая никому не даст заскучать. Приятного вечера! Услышимся на волнах нашего радио как всегда в следующий четверг, ровно в четыре.

Лампочка «On air» погасла. Из динамиков заиграл очередной новый хит никому неизвестной местной звезды. Очередной исполнитель затащил свою очередную балладу о неразделенной любви, о тяготах жизни подростков и райских землях в мегаполисах. Трехчасовой эфир закончился.

Рамуте сняла наушники, отодвинула микрофон, протяжно выдохнула и показала средний палец Арсению, звукооператору, который морщился, всем своим видом демонстрируя, что ее выпуск получился отстойным.

Арсений из тех мужчин, что в собственной безответственности, наивности и бесхитростности по невни-

мательности пропустил возраст взросления. Теперь в свои без малого сорок лет притворялся подростком, отзывался на имя Сеня, носил безразмерные худи с принтами, изображающими давно умерших рок-звезд, рваные джинсы и ботинки с тяжелой подошвой. Собирался набить брутальную татуировку, заняться фитнесом и жениться. Но вместо этого Сеня каждый день напивался светлым пивом, растил живот и все свободное время сидел перед монитором за компьютерными играми. Мечтал однажды начать собственное дело и разбогатеть, но ничего, кроме как жать на кнопку пульта, запускать в эфир заранее согласованные с редактором песни и в нужный момент отключать микрофон, он не умел и не стремился чему-нибудь научиться.

— Чего так грубо? Рами... Я же не серьезно, — он улыбнулся и положил папку на стол. — Кстати, красивый пальчик. Очень.

Рамуте инстинктивно спрятала пальцы в кулак. Ей давно пора записаться на маникюр, но каждый раз то времени не хватает, то денег жалко, то лень. «Завтра же пойду и сделаю», — пообещала она себе.

Рамуте развернула перетянутую резинкой папку и пролистав материалы к следующему эфиру, выискивая глазами статью со знакомой подписью «Дорогой Рамуте от Арта».

— От Артура есть что-нибудь? — спросила девушка.

— Нет, — ответил Арсений.

— Черт!

— Но мне кажется, в этот раз там есть кое-что интересное...

СИМФОНИЯ КУКОЛ

Девушка не дослушала, собрала бумаги, стопкой бросила их в сумочку, задвинула за собой стул и направилась к выходу.

— Дома посмотрю.

— Рами! Подожди.

Она обернулась.

Сеня встал, облокотившись о стену, и подмигнул:

— Может, сходим куда-нибудь? Я угощаю. Сегодня зарплату перечислили.

Рамуте не ответила.

— Можешь сама выбрать, куда пойдём. Любый ресторан. Что скажешь?

— Нет. Я устала.

— Тогда, может, здесь перекусим?

— Нет.

— По кусочку? — он кивнул на открытую коробку с пищей.

— Сказала же нет.

— Ну и ладно. — Арсений вернулся за пульт, отковырял от картонной крышки засохший сыр и отправил его в рот. — И, кстати, твое шоу сегодня реально было полный отстой.

Рамуте покачала головой, еще раз на прощанье показала средний палец и закрыла за собой дверь. Настроение — хуже некуда. Она и без помощников прекрасно знала, что ее передача с каждым выпуском становилась все скучнее и скучнее. Развлекательность на нуле, полезность и того меньше. Рейтинги пробили плинтус, вприпрыжку, взявшись за руки с угасающей популярностью, устремились с шестого этажа на первый, сползли под фундамент здания и надежно там за-

крепилась рядом с крысиными экскрементами и гнездами клопов. Творческий кризис, профессиональное выгорание... как это ни назови, дела шли из рук вон плохо. Всего пара неудачных эфиров — и преданные поклонники вмиг отвернулись от нее, превратились в армию недовольных критиков, готовых разорвать на части неудачливого радиоведущего. Нужно срочно что-то предпринять. Но что?

Папка от редакторов — склад самых скучных новостей, дешевой рифмованной рекламы доставок с автомойками и никому не интересных фактов из прошлого. Правильно поступить — не читая выбросить всю подборку на помойку. Был единственный источник достойного материала — Арт, и тот куда-то запропастился и не выходил на связь. Только Арт был в состоянии выбрать подходящую тему и подготовить качественный эфир. Где его черти носят? Он и раньше исчезал, пропадал по несколько месяцев неизвестно где, потом появлялся с толстенной папкой документов, фотографий и своей довольной рожей, но в этот раз его «исчезновение» затянулось.

— Артур не объявлялся?

Охранник проверил журнал, прокашлялся, чтобы звонко ответить, и развел руками.

— Не-а.

— Ясно. Вы только не забудьте. Сообщите мне, пожалуйста, когда он зайдет.

— Хорошо, Рами, я же обещал.

— Только обязательно. Для меня это крайне важно.

— Понял, понял. Я очень обязательный.

— Может, он позвонит или пришлет кого-нибудь.

СИМФОНΙΑ КУКОЛ

— Хорошо-хорошо. Если вдруг что, ты же знаешь, я сразу... Обо всем помню, не волнуйся.

— Спасибо.

Она улыбнулась дежурной улыбкой, попрощалась и вышла в фойе.

«Как же, помнит он», — подумала Рамуте. Достала сигарету и закурила, несмотря на запрещающую табличку на стене. Сделала две короткие затяжки и шепотом продолжила: «Посылка моя месяц пролежала, прежде чем ты, «очень обязательный», спохватился и удосужился ее передать».

Лифт остановился, двери расползлись. Рамуте закурила окурком в цветочном горшке, из которого заборчиком торчали с десятков ее едва прикуренных сигарет, выдула дым в сторону и невозмутимо зашла в кабинку, расталкивая локтями компанию женщин.

— Хамка! Вы только посмотрите на нее... — возмутились женщины.

Рамуте не обращала на них внимания. Ее давно перестало заботить, что о ней думают окружающие, особенно если «окружающие» — это мерзкие тетки, коллеги по цеху из конкурирующей бездарной радиостанции, располагающейся этажом выше.

Достала мобильник и набрала номер телефона Артура.

«Ну же, Арт! Куда ты пропал? Отзовись!»

Голос в трубке сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

— Зараза, — вырвалось вслух.

Она перелистнула вкладку меню «избранное» и нажала «позвонить» Никите. На дисплее засветилось

улыбающееся лицо парня, держащего букет роз. Он подарил ей эти цветы на Восьмое марта, когда они только познакомились. Тогда он не знал, что этой девушке розы не нравятся. Она в принципе не любит цветы. И если он всерьез планирует с ней встречаться, ему предстоит это запомнить. Это и еще много чего другого запомнить.

— Привет, Рами.

— Я закончила.

— А я знаю. Слушал эфир. Супер, честное слово. Не мог оторваться. Ты у меня золото, талантище. Слушал бы и слушал...

— Хватит. Выпуск — дрянь.

Она знала, что Никита врал. Лживый подхалим. Если бы он на самом деле слушал, то сейчас бы сочувствовал или соболезнавал. Еще пару таких передач, и ее попросят освободить место какому-нибудь более способному ведущему.

— Не сгущай. Думаю, ты слишком требовательна к своей передаче. Твое дело качественно подать материал, красиво и убедительно говорить, а что за материал, это уже не твоя забота. Разве не так?

— Короче, я спускаюсь. Встретишь?

— Да, — голос Никиты стал серьезным.

Он не первый день знаком с Рамуте. И если она в таком настроении, нужно прекращать шуточки. Нужно быстро хватать ее под руки и вести в ближайший бар, пропустить по стаканчику и снять стресс, пока она не убила кого-нибудь.

— Через полчаса буду. Зайди пока, выпей кофейку...

— Давай я сама решу, что мне сделать и когда!

СИМФОНИЯ КУКОЛ

— Рами, я же...

— Что?

— Все-все. Понял, извини, молчу-молчу, скоро буду. Люблю тебя.

Рамуте не ответила, убрала телефон в карман брюк и одарила женщин из лифта своим фирменным взглядом — «какого черта вылупились?».

Сидеть в кафе, как посоветовал Никита, она не стала. Перешла через дорогу к бутику модной одежды. Магазин себя позиционировал как модный бутик, но модным в нем было лишь само слово в названии на яркой вывеске и плохо покрашенное граффити слева на стене. Кто-то неряшливо нарисовал перечеркнутую аудиоколонку и снизу криво подписал «Власть звука». Подписал криво и безвкусно, как, впрочем, все в этом городке. Ширмы, громкие рекламные лозунги, прикрывающие низкосортный ширпотреб, и вечное ожидание. Слепое ожидание и надежда на то, что в скором будущем все изменится и станет лучше, чем в столице.

Рамуте не была любительницей шопинга. Он не успокаивал ее, не помогал отвлечься. И ее никогда не заботило то, как она выглядит. Но последовать указаниям, «вежливым приказикам» Никиты, смиренно сидеть и пить кофе Рамуте не могла. Хоть очень этого хотела.

«Как же. Будет он мне говорить, что делать. Козел».

Рамуте замерла на входе. Сквозь витрину на нее смотрел манекен. Его пустые пластмассовые глаза уставились на ее растянутую неглаженую майку с нечитаемой надписью и цифрами. Его бледные щеки, казалось, напряглись. Этот пластиковый нахал был готов рассмеяться в лицо девушке с дешевой, но

практичной сумочкой в руках. Даже по меркам этого городка одежда Рамуте выглядела не стильно.

«Что вылупился? Смешно? Это ты еще кроссовки не рассмотрел, придурок», — подумала она и зашла в магазин.

Стеклянные двери сомкнулись, отгораживая Рамуте от шума загазованной улицы с ее бесконечными прохожими и погружая долгожданного клиента в уютную атмосферу запахов новой одежды, кожи и духов. Армия грациозных манекенов позировала под приятную легкую музыку, застыв в дефиле возле лакированных стеллажей с кофтами, головными уборами на подставке, обувью и крохотными сумочками на полках.

Кроме Рамуте, в магазине не было ни единого покупателя, цены в нем по меркам маленького городка до неприличия «кусачие». Рамуте прошла вдоль прилавка с бижутерией и остановилась в нескольких метрах от продавца-консультанта. Девушка за кассой что-то объясняла двоим полицейским. На появление потенциального клиента никто не отреагировал. Рамуте подошла ближе, чтобы слышать, о чем говорят полицейские, сняла с вешалки шляпу и примерила.

— Как они выглядели?

— Я вам уже ответила, не помню.

Девушка говорила манерно, стараясь поддерживать образ богатой гламурной блондинки, случайно ради шутки оказавшейся за прилавком магазина. Несмотря на то что волосы у нее были каштановые, губы тонкие, а под мышкой не сидел шумный минипесик с розовой резинкой между ушей, продавец отлично справлялась с выбранной ролью.

СИМФОНИЯ КУКОЛ

— Постарайтесь описать.

— Это обыкновенные хулиганы, дети.

Полицейский что-то записал.

— Какого возраста дети?

— С ума сойти, середь бела дня. — Она причмокнула, выгнула кисть, растопырив при этом пальцы, и выглянула в окно, за которым, несмотря на вечернее время, все еще было светло. — Совсем страх потеряли.

— Не отвлекайтесь, пожалуйста. Можете их описать?

— Да. Естественно.

— Какой возраст детей?

— Откуда мне знать? Я в них не разбираюсь.

— Восемь-десять лет или пятнадцать-семнадцать?

— Говорю же, обыкновенные подростки. Вот такие, — она показала рукой рост. — Лохматые, немодные. Один был в шортах... кажется...

— Понятно, — произнес полицейский и вздохнул. — А камеры? У вас же установлено видеонаблюдение.

— Не работает, конечно. — Девица причмокнула, словно ей пришлось объяснять очевидные вещи. — Ах. Висят для вида, чтобы отпугивать глупых воров. Муляж.

— Хотя бы количество. Сколько их было, хулиганов? Постарайтесь вспомнить.

— Да, конечно же.

Возникла пауза. Девушка смотрела на полицейского, мерно хлопая ресницами, чего-то ждала, тот смотрел на нее.

— Ну?

— Что ну?

— Так сколько же?

— Что так сколько?

— Сколько их было? — полицейский с трудом скрывал раздражение.

— Почему вы злитесь? Почему давите на меня? Все давите, и давите, и давите. Преступник не я! — Продавщица подвигала плечами, словно замерзла.

— Извините, не хотел показаться грубым.

— Трое! Было трое подростков... Точно! Или четверо. Ну или, может, пятеро.

— Конкретнее можете ответить?

— Не знаю я! Как тут еще конкретнее?

Казалось, и полицейский, и девушка сейчас расплачутся от отчаяния и безысходности.

— Не переживайте. Все хорошо, — подключился другой полицейский, спасая от нервного срыва своего напарника. — Ничего же не случилось, все живы.

— Ага, как же. Ничего не случилось... Мое руководство вряд ли решит так же. Кто, по-вашему, будет платить за ремонт? — Когда она вспомнила, что ей предстоит ремонт магазина за собственные сбережения, вся гламурность мигом улетучилась, голос изменился. — И краска, и работа. Ну бли-ин. Я же не буду сама вставать и катать валиком?

— Не волнуйтесь, вы нас вызвали, мы во всем разберемся. Постарайтесь вспомнить подробности. Все, что сумеете.

— Не знаю. Когда вышла, они шмыг и разбежались по сторонам, тараканы мелкие.

— Гражданочка, а вы что-то хотели? — полицейский развернулся и обратился к Рамуте.

СИМФОНИЯ КУКОЛ

— Я? — девушка только сейчас заметила, что стоит спиной к зеркалу, делает вид, что выбирает шляпу, но пялится на сотрудников.

— Да, вы.

— Эм... Хочу купить, — выпалила она и протянула девушке головной убор.

— Вам придется подождать минуту.

— Хорошо.

— Совсем недолго, мы почти закончили.

— Без проблем. Скажите, а вы что, кого-то разыскиваете?

Полицейский прищурился:

— Да. Ведется расследование. Нарушители рисовали стену. Вы что-нибудь видели?

Рамуте задумалась. Она, конечно, ничего не видела, и лучшим вариантом для нее было бы просто ответить сотруднику «нет», отвернуться и отойти в сторону. Но что бы сделал Арт на ее месте? Не упустил бы возможности. Сто процентов, воспользовался бы ситуацией, чтобы выведать подробности дела и слепить из истории репортаж. Наверняка. И наверняка репортаж получился бы превосходный. Жаль только, что она не он, а он не на ее месте. И вообще, где его носит? А если Арт и к следующему четвергу ничего не передаст? Придется снова позориться в прямом эфире...

— Вам есть что сообщить?

— А?

— Посодействуете расследованию?

Рамуте осенило. Точно! Расследование. Эврика! Мысль сама собой пришла в голову. Словно щелчок, словно укол света через задернутую штору. Почему

бы самой не заняться разработкой? А что? Взять новость, разобраться в ней как следует, а дальше, подражая стилю Артура, упаковать событие в красочную, социально значимую и важную обертку. Если получится, добавить юмора...

«Дети хулиганят», нет — «Беспризорный город под прицелом», нет — «Запрещенное искусство улиц» или «Кто за это в ответе», — Рамуте попыталась подобрать заголовок.

Пусть граффити на стене — не самая резонансная тема, но с нее можно начать. Все с чего-то начинали. Она представила, как ведет журналистское расследование, как с микрофоном в руке опрашивает очевидцев и знакомится с уличными художниками. Образ себя нахальной, с микрофоном и важным лицом ей понравился. Нужно будет обо всем узнать. Типы красок, главные фестивали, направления. Взять интервью у известных граффитчиков, зафиксировать их комментарии по поводу вандализма — это добавит экспертности материалу.

У Рамуте выстроился четкий план. Да, у нее не было ни подходящего образования, ни опыта журналиста. Но, черт возьми, идея показалась ей привлекательной.

— Гражданочка, ау! Вы меня слышите? Вы в порядке?

Рамуте помотала головой:

— Кажется, нет. Вернее, да. В смысле да — в порядке, и нет — не видела никого и ничего.

Она побоялась задавать сотрудникам вопросы. Поспешно расплатилась, взяла пакет и, не дожидаясь сдачи, вышла на улицу.

СИМФОНИЯ КУКОЛ

«А вот и хорошее настроение», — подумала она и обернулась к бестактному манекену; теперь его пластиковый взгляд выражал почтение и одобрение.

— А? Как тебе?

«То-то же, молодец, девочка», — мысленно похвалила она себя, сделала несколько снимков разрисованной стены и убрала телефон.

Закурила. На этот раз неспешно затянулась и с наслаждением выпустила дым в небо. Тело расслабилось. Пусть она не решилась спросить подробности у полицейских, для первого дела это, наверное, и не так важно, обойдется фактами о самой субкультуре, но Рамуте точно знала, что на этот раз делает все правильно. Хватит рассчитывать на других, пора брать дела, нет, пора брать судьбу в свои руки. У нее есть время до следующего выпуска. У нее вырисовывался настоящий серьезный план. И ей не терпелось начать собственное расследование.

Рамуте запихнула в урну пакет со шляпой, которую она так и не рассмотрела, написала сообщение Сене:

«Ку.

Есть тема для моего выпуска. Подбери музыку, чтобы подходила для всяких граффити (рэп, рок или что там они слушают). И пришли списком, хочу послушать. Лучше на почту. Только заранее!

Спасибо, ты лучший».

Нажала «отправить» и набрала номер телефона Никиты.

Глава 2

Темно. Пахнет грязью, сыростью и гнилью. Мне знаком этот запах, так пахнут ночлежки бездомных. Так пахнут подвалы старых домов, дальние уголки автовокзалов. Так, кажется, пахнет само отчаяние. Что произошло? Где я? Почему?

Последнее, что могу вспомнить, — проснулся, умылся, собрал оборудование и отправился на встречу. Проверил плиту, окна, свет, воду и вышел из квартиры. Вернулся, еще раз проверил дверь, не забыл ли закрыть на замок, снова вышел. Сел в машину, пристегнулся, включил радиоприемник и поехал. Свернул с центральной улицы, чтобы миновать пробку, прокатился пару кварталов мимо медицинского университета. Затем, кажется, остановился на перекрестке. Подождал, пока загорится зеленый...

Дальше картинка обрывается. Пытаюсь пошевелиться. Боль густым фейерверком разлетается по всему телу. Хочу закричать... Безуспешно. Я обездвижен. Руки и ноги затекли. Провожу языком по пересохшему рту, по шершавой полоске ткани, протянутой между зубами. Кто-то завязал мне рот. Не могу сказать наверняка, но, кажется, у меня и на глазах повязка. Странное ощущение, тело настолько онемело, что я не могу определить, есть ли на голове повязка. Жмурюсь, моргаю, двигаю глазами из стороны в сторону — темно. Открывай, не открывай веки — никакой разницы.
— Здравствуйте!

Прислушиваюсь. Приветствует незнакомый голос. Человек совсем близко, в метре от меня. Он говорит

СИМФОНИЯ КУКОЛ

и смеется, нервно хихикает, как ребенок, предвкушающий реакцию взрослых на свой хитроумный розыгрыш. Надо мной кто-то глупо подшутил?

— Здравствуйте, — повторяет он громче.

Когда человек лишается одного из своих органов восприятия, все другие обостряются. Так должно быть. В теории. Так это описывают люди. Но из-за зудящих покалываний ладоней и стоп, из-за боли в спине, паники и головокружения у меня не получается сконцентрироваться ни на звуках, ни на запахах.

— Захотелось именно этим словом поприветствовать вас. Так что здравствуйте. Здравствуйте-здравствуйте! Как бы странно это ни звучало.

Голос приглушается, думаю — незнакомец прикрывает рот рукой, прячет от меня смех. Пусть хоть обхохочется, лишь бы поскорее развязал. Не могу дальше терпеть пути.

— Как себя чувствуете? Стойте-стойте, не отвечайте. Догадываюсь — вы растеряны. Неожиданно, правда? Сюрприз! — Он опять прикрывает рот и смеется. — Спокойно, сейчас я вам все объясню. Главное, не шевелитесь.

У него странный голос, словно ему тяжело выговаривать слова, а может, он иностранец, который зачем-то пытается скрыть от меня акцент. Да что здесь происходит? И почему этот, с дефектом речи, обращается ко мне на «вы»?

— Ну не надо. Не шевелитесь. Эх. Ну я же предупредил.

Незнакомец говорит, а я чувствую, как кто-то или что-то меня раскачивает. Резкие дерганые движения,

словно меня подняли на веревочной качели, раскачали и трясут в разные стороны. Рывки сменяются сдавленным криком, сопением и мычанием. На мгновение раскачивания усиливаются и тут же прекращаются, останавливаются. Ощущение, словно рыбак тянул добычу, но после недолгого сопротивления леска лопнула и рыбка сорвалась. Ощущение, словно я на секунду провалился в невесомость.

Дерганья возобновляются.

— Еще раз предупреждаю, на вашем месте я бы этого не делал.

Он говорит, и что-то острое медленно проникает мне в живот. Жуткая боль. Острие неотвратно движется глубже и глубже. Словно этот незнакомец по миллиметру вонзает мне нож под солнечное сплетение. Неглубоко. Острие едва прорезает кожу. Прорезает, и человек держит, и давит, и давит, и не собирается вытаскивать лезвие. Напрягаюсь, челюсть сжимает ткань, рычу, не могу пошевелиться.

Теперь мои дерганья, мой сдавленный крик и беспомощное мычание наполняют темноту.

— Эх. Ну вот опять. Зачем же торопить события? Сначала выслушайте правила, а потом начнем играть. Проявите хоть немного терпения и уважения к ведущему. Я же все-таки готовился.

Извиваюсь, пыхчу, кусаю кляп, стараюсь отстраниться от лезвия.

— Замри.

Он приказывает не двигаться, и я интуитивно подчиняюсь. Он идет ко мне. Слышу его шаги. Чувствую, как его рука берет меня за нос, тянет за ноздри. Гру-

СИМФОНИЯ КУКОЛ

бо, бесцеремонно. Но я благодарен... Пусть теперь мне не избавиться от запаха прокуренных пальцев, но эти пальцы своим движением достают нож из моего живота. Сверлящая боль отступает. Чувствую облегчение.

— Нетерпеливые вы мои. Кому я здравствуйте говорил? А? Кому желал здоровья? Хочешь уцелеть — замри... Просто же. Просто-просто.

Он хихикает, а я стараюсь не двигаться. Пока не шевелюсь, кажется, мне не воткнут в бок нож. Надеюсь.

— Ладно, уговорили, слегка подниму.

Он отходит. Цепи бряцают, что-то хрустит, звук, словно шестеренки ржавого механизма приходят в движение. Мне страшно. Меня трясет. Признаюсь, впервые в жизни мне так страшно. Я прыгал с парашютом, погружался с аквалангом, в одиночку взбирался на скалы, но только сейчас почувствовал настоящий ужас. Я где-то читал, что человека больше всего пугает неизвестность. Не соглашусь. Куда страшнее, когда в этой неизвестности, с болью во всем теле, приправленной богатой фантазией творческого человека, раздается громкий скрежет неведомых механизмов под психопатические хихиканья незнакомца.

— Ну вот. Думаю, достаточно высоко. Теперь вы готовы слушать?

Не знаю, готов ли я слушать, или отключиться, или сражаться, но я знаю, что не могу пошевелиться и стараюсь даже не дышать.

— Сейчас я развяжу вам глаза, и мы продолжим. Его шаги вновь приближаются.

— Думаю, настало время познакомиться.

Прокуренные пальцы вновь касаются моего лица, бережно снимают повязку. Открываю глаза. Готовлюсь щуриться от яркого света софитов, ожидаю, что польются слезы, что услышу аплодисменты зрителей, но этого не происходит.

Под потолком раскачивается тусклая желтая лампа. Подвал. С высокими потолками. Грязные кирпичные стены, покрытые старой побелкой и зеленой краской. Слой паутины в подкопченных черных углах. И трубы. Толстые и тонкие, завернутые в рваную теплоизоляцию, ржавые, покрытые мелкими каплями конденсата на потрескавшейся краске. Я подвешен, привязан к какой-то металлической балке. Прочная веревка с большой палец толщиной обвивает мои руки, проходит под мышками, через поясницу, переплетается узлами под коленями и ведет к большому крюку мясника, приваренному к какому-то устройству. Я подвешен в позе эмбриона к огромной непонятной конструкции.

Стараюсь побороть подступающую панику.

— Меня зовут, кхм, на самом деле для нашей игры это не имеет большого значения, но обращайтесь ко мне, например, господин Р. Это имя мне нравится больше всего. Подходит для ведущего. Подходит.

Смотрю по сторонам, насколько это позволяют веревки. Возле меня расхаживает незнакомый мужичок в белом халате врача. Широко шагает, жизнерадостно, как один из тех провинциалов, что в своем предпенсионном возрасте впервые оказался в мегаполисе

СИМФОНΙΑ КУКОЛ

и удивляется каждой мелочи. Готов поклясться, на голове у него парик, а борода — накладная.

— В качестве бонуса победителю можно будет называть меня просто Р. Как считаете? Весомо?

Черная, с серой оторочкой бабочка на шее прибавляет нелепости его круглым очкам. Из-под его белоснежного халата виднеются синие в тонкую полоску брюки и начищенные до блеска туфли.

— Знайте, у меня нет и никогда не было любимчиков. Я искренне болею за всех. Так что желаю каждому из вас победы. Победы!

Он выкрикивает слово «победы», хихикает, смотрит на потолок, крутится под лампой, жестикулирует, словно гладиатор перед сражением, словно клоун на манеже в предвкушении представления.

«Каждому из вас». Теперь знаю точно, что я здесь не один. Стараюсь повернуть голову и осмотреться получше, но веревки мешают.

— Ближайшие несколько дней мы проведем вместе. В тесной, в меру дружелюбной, приятной и, мне хочется думать, веселой компании.

Замаскированный исчезает из моего поля зрения. Не могу проследить за ним, возвращаюсь к разглядыванию потолка. Стараюсь взять себя в руки и определить, что происходит. Какой-то сюр. Неужели меня по-настоящему ранили? Может, я не чувствую, а тем временем истекаю кровью. Никак не получается дотянуться до живота, чтобы проверить.

Нет-нет. Это уж слишком, чтобы быть правдой. Шоу?.. Шоу!.. Скорее всего. Наверное, участвую в каком-то тупом ультрасовременном проекте. Но я не

помню, чтобы с кем-нибудь договаривался о съемках. И не подписывал никаких договоров, кажется. В то же время и на розыгрыш это не очень похоже. Боль чересчур реалистичная. Хотя... Возможно, меня просто ущипнули? Создали атмосферу, напугали, а остальное я сам дофантазировал. Сидят, смотрят и посмеиваются.

Как же болит спина... Нужно прекращать паниковать, сконцентрироваться на происходящем и показывать зрителям, какой я бесстрашный.

Что я знаю наверняка? Меня связали в подвале. Подвесили, как мешок с картошкой, к какой-то железной хреновине. И я здесь не один такой. Нас держит в плену ведущий — некто господин Р, и судя по звукам, он сейчас развязывает глаза моему оппоненту. Что за продюсер согласился подписаться на такое дурацкое шоу? Кому может быть интересно наблюдать такое? И на каком канале планируют выпустить? Хотя... В принципе, почему бы и нет, если для интернет-проекта — вполне оригинально. Неплохая задумка, стоит признать. Вот только... Какого хрена меня записали в участники?

Так. Ладно. Что еще... Еще мне больно. Мышцы затекли, не чувствую кончиков пальцев. Чертовски больно. И спине. И шее.

— Вас мучают вопросы. Понимаю. — Р говорит и отходит к двери. — Но, думаю, лучше я покажу, а потом расскажу. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз... ну вы же и сами в курсе. — Он выкатывает ширму на колесиках, прикрытую тканью. Поворачивает ее ко мне. — Готово. Но прежде чем

СИМФОНИЯ КУКОЛ

вы насладитесь совершенством экстравагантной идеи, ее нерушимой справедливостью и собственно инженерной мыслью, мне нужно немного привести себя в порядок.

Он достает из кармана платок, стряхивает, наклоняется и чистит от пыли туфли.

— Плохое решение — делать пол из песка. Согласитесь. И ходить неприятно, и обувь портится. А как говорится, туфли — зеркало души джентльмена. Или так не говорится? — Он хохочет, прячет платок в карман, отряхивает ладони. Поправляет халат и с видом художника, только что закончившего картину, встает возле ширмы.

— Ну что? — Он торжественно, как опытный продавец, готовый представить шедевр критикам, стоит возле ширмы. — Барабанная дробь... — Он хватает за край ткани двумя руками. Выдерживает паузу, интригует, косится на меня.

— Вуаля! — Он сдергивает ткань и бросает ее на песок. Радуетя, кривляется и корчится. Стучит себя ладонями по коленям, подпрыгивает, поправляет сползший парик, переминается с ноги на ногу, словно его приперло в туалет.

— Вуаля! Вуа-ля! Вуа-вуа-вуа-ля! Тада-ам!

Под тканью скрывалось здоровенное зеркало.

— Теперь видите? Ну как вам? А? Впечатляет?

Он скачет и двигает ширму, чтобы мы могли лучше рассмотреть отразившуюся в зеркале ужасающую конструкцию.

— Весомо? — Он чуть ли не катается по полу со смеха. — Весомо? А?

Меня трясет. Он псих. Натуральный психопат.

— Правду говорят, что месть сладка. А наказание куда слаще меда. — Он заикается от перевозбуждения. — А знаете, как еще говорят? Правды нет на земле. Вот такой вот парадокс. Ее нет, и в то же время все о ней говорят. И я тоже говорю. А ее нет.

Он встречается взглядом со своим отражением и застывает. Его рот открывается, он дует на стекло, которое запотевает, и его рука протирает след краем халата.

— Нет ни правды, — он переходит на шепот, — ни чести, ни справедливости. Никакой суд не в состоянии восстановить справедливость. Ни верховный, ни высший, ни божий. Все это — пустые слова.

Он отворачивается от зеркала и вновь становится веселым.

— Я недавно осознал один факт: закон, цензура, правила, манеры — все это прерогатива бедных. Воспитание, принципы и прочие ненужности придуманы, только чтобы мешать жить. Принципы. Хах. Их тоже почти не осталось. Вымерли, как мамонты, как динозавры, как правда. Не осталось ничего святого. Вокруг и разговоров только, как обмануть ближнего да как повыгоднее продать совесть. Новая религия в расцвете. И главное божество — деньги.

Он несет полнейший бред! И здесь нет ни камер, ни зрителей. Это никакое не шоу. Кошмар. Меня сейчас стошнит.

— Да, друзья, — продолжает он сквозь неправдоподобный смех. — Суд не может. Государство не может. А я смог наказать. Смог! — Р замирает, мгно-

СИМФОНИЯ КУКОЛ

венно перестает смеяться. Отходит от зеркала, останавливается, строго смотрит на нас через отражение и загробным голосом говорит: — Внимательнее изучайте. Скоро начнется игра!

Глава 3

Никита свернул в переулок. На проспекте с парковкой постоянные проблемы, пришлось оставить машину в нескольких кварталах и прогуляться пешком. Он всегда так поступал, если Рамуте просила встретить ее после работы. Срывался, где бы он ни находился, и спешил к своей девушке; возможно, она была «его девушкой» лишь по его мнению, Рамуте избегала давать определение их отношениям, но Никита предпочитал думать, что у них серьезные отношения.

Ему нравилось прогуливаться. Он успевал собраться с мыслями и насладиться ожиданием встречи.

К тому же можно срезать через дворы и по пути заглянуть в маленькую пекарню. Ничего особенного, обычный ларек со свежей выпечкой. Но в нем продавали пирожное «Корзинка с кремом» — любимое лакомство Рамуте. Это он тоже знал. Если верить ей — это пирожное с тем самым вкусом из детства, с настоящим кремом.

Никита в очередной раз набрал номер телефона Рамуте, она не ответила. Не ответила так же, как не ответила на его недавнее предложение переехать к нему. Проигнорировала, выпроводила за дверь со

словами «до вечера» и скупым поцелуем в щеку. Это не отказ и не ссора. Вечером она, как всегда, вернется. Вернется его ненаглядная страстная Рами. Позвонит, пригласит в гости. Он, естественно, словно верный пес, прибежит по команде. Прибежит, и они займутся сексом. А утром... Все повторится.

— Ух! Твою ж мать, — выругался он, зацепившись за корягу, потерял равновесие и чуть было не упал.

Никита — гордый и себялюбивый. И он не станет гоняться за юбкой. Не станет прислуживать и носить на руках ту, что не ценит его усилий. Это же всего лишь девушка. Обыкновенная. Очередная дамочка. Сколько таких в этом городе? Однажды он не выдержит, психанет и пошлет Рами куда подальше. И нет, Никита не будет кричать, спокойно, как это обычно делает она, попросит Рами уйти из его жизни... Так он думает каждый раз, когда спускается по лестнице из квартиры Рамуте. Так он фантазирует, когда остается наедине со своими мыслями. Так он себя успокаивает. И так продолжается второй год.

После переезда Рамуте из Каунаса в этот городок жизнь Никиты навсегда изменилась. Перестала подчиняться графику, избавилась от его личных интересов и подчинилась желаниям Рами. Он раньше не задумывался, какой должна быть его идеальная женщина. Какой у нее должен быть характер или внешность. Но он точно знал, что его вторая половинка обязана хорошо готовить, любить убираться в квартире, быть понимающим собеседником, страстной, сговорчивой, смелой и изобретательной в постели. А еще быть верной и любящей.

СИМФОНИЯ КУКОЛ

Из всех пожеланий Никиты Рамуте соответствовала только его пунктам о сексе. Все остальное — мимо. Одна мысль о готовке вызывала в ней отвращение. Максимум на что она была способна — залить кипятком кофе и разогреть в микроволновке пиццу. Терпеть не могла уборку. В ее квартире нет ни одного стула, на спинке которого не висело бы по паре кофт, маек, бюстгалтеров и пакетов. Вместо того чтобы самостоятельно разложить вещи на полках, Рами предпочитала раз в неделю заказать уборщиц, которые за четверть ее зарплаты наведут порядок. О сопливых беседах, лирике, романтике во всех ее проявлениях, сантиментах и прочих нежностях Никита мог и не мечтать. Все четко, коротко, сухо и по фактам. Но больше всего Рамуте ненавидела разговоры о любви и планах на будущее. «Подобные беседы вызывают у меня желание залить уши воском» — так она говорила.

«До вечера», холодный поцелуй в щеку, и свободен.

Никита, как Золушка, только не в полночь, а с восходом солнца и трезвонящим будильником, превращался в ненужный, мешающий, раздражающий элемент мебели в чужой квартире, в квартире Рамуте. Любая инициатива с переездом к нему расценивалась как давление и вторжение в личное пространство. Возможно, поэтому, а не из-за ревности к Юргису — бывшему Рамуте, с которым она продолжала общаться, — Никита до сих пор не решился сделать ей предложение. Не признался, что мечтает завести с ней детей, двоих, а лучше троих: сына и дочек-близняшек.

— Корзинки свежие?

— Все сегодняшнее.

— Одну корзинку, пожалуйста.

— С собой или на месте? — автоматически спросила продавщица, подцепив щипцами пирожное с прилавка.

— С собой. Только дайте вон ту, соседнюю. Она выглядит как-то поаккуратнее.

— Эту?

— Да. В контейнер, пожалуйста.

Никита знал, что Рамуте не любила, когда крем размазывается по упаковке, знал, что, если принесет угощение в пакете, его ждет грандиозный скандал. Поэтому попросил упаковать сладость в контейнер, который стоил вдвое дороже самого пирожного.

Зазвонил телефон. Никита выдернул его из кармана и приложил к уху.

— Алло, Рами, я уже приехал...

— Угу. Естественно. Уже приехал. Где же еще тебе быть?

— Катя?

Он перевернул телефон и разочарованно посмотрел на дисплей. Фотография девушки с аккуратно уложенными, выкрашенными в черный цвет волосами смотрела на него своим осуждающим взглядом.

— Кать, что тебе надо? Я же предупредил. Буду занят!

— Чего орешь?

— Сказал же, сегодня меня не ждите!

— Да послушай... Я звоню предупредить. Приходил начальник.

СИМФОНΙΑ КУКОЛ

Никита замолчал и сжал губы.

— И что он?

— Как обычно. Проверил отчет и обложил меня матом. Еще спрашивал, почему тебя нет на рабочем месте. Грозился уволить.

Никита выпрямился и взял мобильник другой рукой:

— И что? Он догадался?

— О чем? О том, что ты уехал к своей этой... как там ее...

— Катя, что ты ему ответила?

— Что-что, соврала! — Она тоже перешла на крик. — Сказала, что ты к половине восьмого уехал на склады.

— Он поверил? — Никита не мог себе позволить потерять работу. Только не сейчас, когда их отношения с Рами, как он рассчитывал, вот-вот продвинутся и перейдут на новый уровень.

— Поверил! И перестань кричать.

— Фуф... — Никита выдохнул.

Начальник, несмотря на самодурство, готов на многое закрыть глаза; покричит, унизит, пригрозит, но не уволит. Его категоричное «Пошел вон» можно услышать только из-за серьезного проступка или из-за пропуска без уважительной причины.

— Спасибо.

— Так что имей в виду, если позвонит, ты у поставщиков. И смотри не перепутай, а то подставишь меня.

— Понял. Спасибо, Катя.

— Еще он сказал, что ты такой у нас весь молодец, трудяга и за переработку тебя ждет премия в конце месяца.

— Катя.

— Что Катя?

— Спасибо.

— И все? С тебя шоколадка. — Девушка успокоилась и обиженно добавила: — А лучше две.

— С орешками.

— Угу. И букетик. — Она кокетливо засмеялась. — Маленький, чтоб в вазочке поместился. Из розочек, как в тот раз.

Катя никогда не скрывала своей симпатии к коллеге. Корпоративная этика даже в этом городишке запрещала служебные романы. Любая интрижка грозила увольнением, причем обоих. Но Катю это не останавливало, и несмотря на полное равнодушие Никиты, она продолжала оказывать ему знаки внимания. Прошлый его букет простоял у нее на столе, пока не превратился в гербарий, после чего она еще долго не решалась выбросить напоминание о драгоценном равнодушном ненаглядном.

— Катя, извини, что я так грубо...

Она улыбалась. Ей достаточно того, что сумела помочь своему Нику, Никите, Никиточке. Пригодилась, спасла. И он проинформирован об этом лично ею. Он оценил.

— В другой раз не надо на меня орать. А извинения прибереги для своей этой... как ее... со странным именем.

— Рамуте.

Он мог не пояснять. Катя прекрасно знала, как зовут гадкую девушку ее Никиты. Изучила всю биографию литовки Рамуте. Знала, что она с самого рождения

СИМФОНИЯ КУКОЛ

детдомовская, что у нее не было родителей, ни своих, ни приемных. Катя, конечно, не догадывалась, как так вышло, что невинный ребеночек оказался никому ненужным, но для себя решила, что ей ни капельки не жаль наглуую хамку, это справедливо, раз проклятая литовка захомутала ее любимого Никиту. Катя слушала каждый выпуск радиопрограммы своей соперницы, выискивая компрометирующие факты. Никогда не смеялась, даже если шутка в репортаже была смешной. Радовалась, когда выпуск получался отвратительным. Несколько раз ей удавалось дозвониться в прямой эфир и анонимно выразить свое возмущение и критику в адрес неприятной, непрофессиональной и мерзкой ведущей.

— Я не такая, как твоя... Эм...

— Рами.

— Все. Пока. Мне нужно работать. — Она повесила трубку.

Никита улыбнулся и набрал сообщение:

«Большое спасибо, Катенька. Ты просто золото. Ты мой ангел-хранитель. Обнял-приподнял».

В конце добавил подмигивающий смайлик и картинку букета из розочек, но не успел отправить. На экране высветилось уведомление:

«Один пропущенный вызов:

Звонил абонент "Рами" в 19:36».

Он тут же открыл вкладку «контакты» и набрал номер телефона Рамуте.

Глава 4

— Можно?

Молодой старший лейтенант стоял на пороге кабинета своего начальника, не решаясь зайти. Его взъерошенные черные волосы с неаккуратным пробором над левой бровью, торчащие прядки на макушке говорили о проведенной бессонной ночи. И в обычный день нелепая прическа сегодня с особым шармом нависала над его поломанными ушами. Из-под челки строгие глаза сканировали, сверлили пространство вокруг, выискивая и подозревая всех и во всем. Его нос с горбинкой, под которым росли густые усы, постоянно принюхивался, словно его обладатель старался напасть на след преступника. Любого преступника, главное — поскорее приступить к работе. В руках он держал тонкую папку серого цвета.

— Федор, здравствуй. Что встал? — Полковник с благородной сединой в волосах, с добрым лицом и морщинками в уголках глаз приветливо улыбнулся и махнул рукой, предлагая подчиненному проходить.

Следователь кивнул, поправил пиджак и приблизился к столу.

— Здравия желаю.

— Вместо «добрый день» здравия, значит, желаешь? Угу. Что-то произошло?

— Так точно. Помните те безымянные трупы в прошлом месяце?

— И? Нашлись родственники?

— Нет.

СИМФОНИЯ КУКОЛ

— Знакомые?

— Нет.

— Тогда что? Ну не тяни, говори уже.

— Понимаете. Мы же то дело... Ну которое тогда, в прошлом месяце... С безымянными. В общем, мы его закрыли, дескать бытовой конфликт, убийство по неосторожности и самоубийство. А потом...

— Короче.

— Так вот, у нас, кажется, второй случай.

— Второй?

— Да. Очень похожая ситуация. Если не брать во внимание кое-какие детали — точь-в-точь...

— Федор, не начинай опять. Я знаю и понимаю твоё желание раскрыть суперпреступление. Но в нашем городке тебе не стать Шерлоком. Когда-то я был молодым, таким как ты, горячим, нетерпеливым. И я тоже мечтал о делах, где фигурировали бы тайные секты, банды отморожков с наркокартелями, кровавые головорезы с запасом тротила и прочие воспетые в фильмах радости. Понимаешь?

— Так точно.

— Но я быстро осознал, и ты тоже, поверь, очень скоро осознаешь. Здесь, в нашем Чертигденске, скромном, тихом и уютном, ничего серьезнее кражи велосипеда и рассерженной своим пьяным мужем тети Гали из двадцать шестой квартиры произойти не может. — Он сделал паузу, ожидая реакции Федора.

— Так точно.

— У нас в городе всего четыре следователя, включая тебя и меня. И у каждого минимум по семь дел.

Мы физически не можем тратить ресурс на расследование чьих-то фантазий и беспочвенных предположений. Ты меня понимаешь?

— Так точно.

— Так что запомни, если у нас кто-то умирает, то только от старости или от болезни.

— Есть.

— В крайнем случае по нелепой случайности. Ну или еще по пьяни, что тоже не исключено, но это реже. Помнишь, случай с пьяным эмчэсовцем, что упал на ограду палисадника?

— Да.

— Ну вот. — Начальник вздохнул и потер лицо: — Так что, если ты собрался поиграть в крутого героя боевика, с погонями, перестрелками, привлечением прессы и покрытием себя славой, — добивайся перевода в Питер или Москву.

— Но их убили тем же способом. И я почти уверен — убийца один и тот же человек.

— Твою ж мать! — перебил начальник и жестом приказал подчиненному сесть за стол. — Никаких убийц и убийств! Ты меня вообще слушаешь? У нас с гулькин нос следователей и три калеки оперов, а он заладил... И что там за трупы у тебя? Опять алкашня?

Федор расстегнул пуговицы кителя и сел.

— Два тела. Личности установлены. Прохоров Ростислав Валерьевич и Свиридов Илья Викторович. Дальнобойщики. Установлено, что они были знакомы между собой. Напарники. По первой оценке, умерли около недели назад.

СИМФОНИЯ КУКОЛ

Следователь не решился еще раз сказать, что жертвы были убиты, остановился на формулировке «умерли».

— Свидетели преступления, очевидцы, камеры?

— Нет.

— Так. Ладно.

Начальник планировал разбить аргументы своего подчиненного касательно связанности между собой двух происшествий, приготовил контрдоводы налюбое слово следователя. Он уже сложил картину происшествия. Два мужика, водителя, собрались после рейса, крепко выпили.

— Давай подробности. Сейчас во всем разберемся.

— Зброшенная стройка.

— Так.

— Две насильственные смерти. Две предположительно насильственные смерти. — Федор, скривившись, добавил слово «предположительно», чтобы не нервировать начальника.

— Так.

— Два изуродованных тела. — Он положил папку перед начальником и жестом спросил разрешение закурить.

— Кури.

Начальник подвинул пепельницу на середину стола. Федор достал сигарету, прикурил и продолжил:

— Закрытое помещение, лужи крови.

— То есть ты объединил в серию два происшествия по принципу — есть кровь, значит, дела связаны?